

Смена эмоций на видео Билла Виолы происходит очень медленно.

Билл ВИОЛА: Мы не то, о чем говорим, а то, о чем предпочитаем молчать

Она называется «Море безмолвия», но наделала много шума. О ней много пишут и говорят, зрители толпами идут в Эрмитаж, чтобы увидеть произведение того, кого сравнивают с величайшими живописцами прошлого, называя то Рембрандтом видеоарта, то Караваджо эпохи хай-тека.

РАБОТЫ его уже демонстрировались в России вообще и в Петербурге в частности: в Главном штабе показывали потрясающее видео «Встреча», в «Институте Про Арте», который организовал и этот показ, — «Квнтет памяти». А в 2008 году Билл Виола выполнил замечательные видеодекорации к опере Вагнера «Тристан и Изольда», которая шла в Концертном зале Мариинского театра.

Но впервые художник приехал из Америки на вернисаж и пообщался с журналистами, а потом прочитал в Эрмитажном театре лекцию.

За окнами фойе Эрмитажного театра плывет в молочном тумане Нева, даже шпиль Петропавловки почти невидим. Сумрачный свет петербургского ноября вливается в окна, а в зале — свет яркий. Он раздражает, потому что видео, которое демонстрируется на специально повешенном здесь плазменном экране размером с картину небольшого формата, лучше было бы смотреть в полумраке. Название видео, выполненного художником в 2002 году, — «The Silent Sea» — переводят как «Море безмолвия». По смыслу точнее было бы так: «Молчащее море». Рассказывая о своей работе, художник говорил о «море, которое находится у нас внутри», показывая на сердце. О скрытом море бушующих внутри каждого из нас страстей и эмоций. «Название — это метафора, — объясняет художник. — Мы есть не то, что говорим, а то, о чем предпочитаем молчать». Все мы носим в себе боль от утрат, без которых немислима ни одна человеческая судьба. Иногда нам удается скрывать ее за маской спокойствия. Но порой она прорывается наружу. Художник — ловец таких моментов.

Это его видео (или все же скорее картина?) — последняя работа из серии «Страсти». В действе участвуют девять человек. Девять его артистов, которые в течение многих лет работали с ним, собрались в последний раз вместе, чтобы разыграть трагический спектакль. По его словам, он подбирает актеров, смотря им в глаза, чтобы проникнуть в душу человека.

В вернисажной суете, шуме и гаме казалось, что на видео ничего не происходит: просто застывшая картинка, мизансцена, в которой выстроились рядом мужчины и женщины разного возраста. Но вот фойе опустело. Я долго смотрела на картину. И меня словно стало затягивать в нее. Было ощущение сапенса, как в фильмах Хичкока, — когда вроде бы ничего не происходит, но в самом воздухе разливается ужас, напряжение растет, в конце концов становясь невыносимым. И вдруг картинка ожила. Очень медленно стали меняться лица и жесты. Казалось, все участники сцены, связанные между собой незримыми узами, услышали известие о чем-то ужасном. Не из разряда роста евро и падения рубля. О настоящей трагедии — возможно, о смерти близкого им всем человека. Или — о начале войны.

Каждый реагировал индивидуально. Но все эмоции были негативными — ужас, ярость, гнев, отрицание, страдание.

Билл Виола назвал Эрмитаж «местом, священным для любого художника».

Сила эмоций все нарастала. И когда стало казаться, что еще немного — и все эти волны пульсирующей, неукротимой боли перельются через экран, затопив зал, экран померк. Словно после мучительной боли наступила смерть, которая тоже ведь может быть милосердной. Само действие длится десять минут. После паузы все повторяется вновь. Собственно говоря, все — как в жизни, где череда обретений и потерь, радости и боли, рождений и смертей длится бесконечно.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Корреспондент «ВП» задал Биллу Виоле вопрос о любимых кинорежиссерах. И получил неожиданный ответ:
— Я думаю, что величайший режиссер — это Андрей Тарковский. Он великий мастер! Потому что глубоко проникает в человеческую душу, человеческое сердце. Он снимал свои фильмы не так, как это делают многие современные режиссеры: так, так и так! (*Жестами демонстрирует глаза, видеоискатель, быстрое движение кинокамеры туда-сюда.*) Для Тарковского была важна прежде всего душа. И вы чувствуете правду изображенного на экране. Я очень много взял у Тарковского, из его работ. Он великий человек.

— Наверное, из фильмов Тарковского на вас наибольшее впечатление произвело «Зеркало»?
— О, мой бог! И не говорите мне об этом! Я изучил этот фильм от первого до последнего кадра, я до сих пор его пересматриваю и каждый раз нахожу в нем что-то новое. Фильм этот — величайшее достижение Тарковского. И одно из величайших достижений киноискусства.

Кстати, своего младшего сына Билл Виола назвал Андреем — в честь Андрея Тарковского.

В ФОЙЕ ЭРМИТАЖНОГО ТЕАТРА — ВЫСТАВКА ОДНОЙ РАБОТЫ БИЛЛА ВИОЛЫ, ПОЖАЛУЙ, САМОГО ЗНАМЕНИТОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВИДЕОАРТА СОВРЕМЕННОСТИ

Билл Виола рассказал, что идея исследовать эмоции возникла у него после личного потрясения: в 1990-е годы он потерял отца, потом мать. «Я очень тяжело переживал эту утрату, — откровенно рассказывал нам художник. — Я не знал, как мне примириться с этим, как жить дальше, как вновь обрести душевное равновесие. Мне помогла живопись: работы старых мастеров, которые я увидел в Музее Поля Гетти в Лос-Анджелесе, принесли мне умиротворение. Тогда я понял, что, несмотря на работу с новейшими технологиями, я должен обращаться не в будущее, а в прошлое, учась у великих художников».

В его потрясающих видеокартинках можно найти отголоски мастеров Ренессанса, которые ему очень близки, а также Караваджо, Гойи, Босха, Рембрандта.

Сравнения с этими великими живописцами могут кому-то показаться слишком сильными. Ведь их рукотворное творчество сродни чудотворству. И все же именно Билл Виола сделал неизмеримо много для того, чтобы видеоарт, появившийся всего-то в середине XX века, превратился в вид искусства, который приблизился к великой живописи.

«Мы представляем вам шедевр современного искусства, — сказал на открытии выставки директор Эрмитажа Михаил Пиотровский. И надо полагать, это не просто комплимент. — Думаю, многие великие мастера живописи хотели бы, чтобы у них была возможность сделать изображение движущимся». Что же касается современных технологий, то, в конце концов, и масляная живопись была когда-то технологическим прорывом в сравнении с использовавшейся прежде темперной живописью.

Располагающее к созерцанию, воздействующее гипнотически, искусство Билла Виолы близко и к кино.

Зинаида АРСЕНЬЕВА, фото Бориса ОСЬКИНА

Погрузиться в молчащее море и услышать его, посмотрев видеoinсталляцию Билла Виолы в фойе Эрмитажного театра, можно до 23 ноября.